

Migration of the Population from the Ili Region to the Russian Empire after the Ili Crisis (Based on Materials from the Newspaper “Eastern Review”)

Elena V. Karpenko

Federal Research Center “Krasnoyarsk Scientific Center” of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia. Email: [sinaeva\[at\]mail.ru](mailto:sinaeva[at]mail.ru)
ORCID <https://orcid.org/0009-0000-2852-9406>

Received: 29 September 2024 | Revised: 4 December 2024 | Accepted: 17 December 2024

Abstract

The Ili crisis in Russian-Chinese relations led to the intensification of migration processes in the region. The local population was seriously concerned about the consequences of the presence of Qing troops after the departure of the Russians. A significant part of the population began to emigrate to the Russian Empire. According to the Russian-Chinese agreements, during the established period, the population of Ili had the opportunity to choose citizenship of the Russian or Qing Empire. The purpose of the study is the migration movement from the Ili region to the Russian Empire after the Ili crisis represented on the pages of the newspaper “Eastern Review”. Migration from the Ili region had a number of peculiarities: the population left for Russia for permanent residence, and the migration took place within a limited time frame. Against the background of an increase in the Chinese military contingent in the region and the migration of Uighur farmers from the region, the food issue worsened, leading to numerous clashes and conflicts. The correspondents of the Eastern Review provide very detailed information not only about the resettlement process, expressing sympathy towards the peoples of the Ili region, but also described the problems of interaction between the Russian and Chinese authorities in the region.

Keywords

Ili Crisis; Taranchi; Dungans; “Eastern Review”; Qing Empire; Russian-Chinese Relations; Migration; Central Asia; Food Issue; Xinjiang

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Переселенческое движение населения из Илийского края в пределы Российской империи после Илийского кризиса (по материалам газеты «Восточное обозрение»)

Карпенко Елена Васильевна

ФИЦ «Красноярский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук; Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия. Email: [sinaeva\[at\]mail.ru](mailto:sinaeva[at]mail.ru)
ORCID <https://orcid.org/0009-0000-2852-9406>

Рукопись получена: 29 сентября 2024 | Пересмотрена: 4 декабря 2024 | Принята: 17 декабря 2024

Аннотация

Илийский кризис в российско-китайских отношениях привел к активизации миграционных процессов в регионе. Местное население серьезно опасалось последствий присутствия цинских войск после ухода русских. Значительная часть населения начала переселение в пределы Российской империи. Согласно российско-китайским договоренностям, в течение установленного срока население Или имело возможность сделать выбор в пользу подданства Российской или Цинской империи. Целью исследования является репрезентация на страницах газеты «Восточное обозрение» переселенческого движения из Илийского края в пределы Российской империи после Илийского кризиса. Миграция из Илийского края имела ряд особенностей: население выезжало в пределы России на постоянное место жительства, миграция проходила в ограниченных временных рамках. На фоне увеличения китайского военного контингента в регионе и миграции земледельцев-уйгуров из края произошло обострение продовольственного вопроса, приведшее к многочисленным столкновениям, конфликтам. Корреспонденты «Восточного обозрения» не только предоставляли весьма детальные сведения о процессе переселения, высказывая сочувствующее отношение к народам Илийского края, но и описывали проблемы взаимодействия российских и китайских властей в регионе. Статья рассчитана на исследователей истории русско-китайских отношений, истории Цинской империи, приграничных территорий Российской империи.

Ключевые слова

Илийский кризис; таранчи; дунгане; «Восточное обозрение»; Цинская империя; русско-китайские отношения; миграция; Центральная Азия; продовольственный вопрос; Сынцзян

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

История миграционных процессов в Центральной Азии представляет собой конгломерат сложных этнических, общественно-политических, конфессиональных и межкультурных взаимодействий. Изучение истории межгосударственных отношений в данном регионе всегда тесно связано с историей взаимоотношений этнических групп. Российско-китайские отношения в регионе в период Нового времени, политика российского и цинского правительства оказали серьезное влияние на формирование этнополитического пространства Центральной Азии. Миграционные процессы в большей части Центральной Азии Нового времени происходили в рамках Российской и Цинской империй; в связи с этим особого внимания заслуживает политика как имперских правительств, так и местной администрации в отношении народов, проживающих на окраинных территориях. Особый интерес представляют вопросы взаимодействия этнических групп и местных властей в периоды межгосударственных конфликтов и напряженности в двухсторонних отношениях. Данная работа касается проблем, связанных с переселением мусульманского населения Илийского края в пределы Российской империи после передачи территории китайским властям.

Данное исследование представляет собой анализ материалов газеты «Восточное обозрение» (далее – «ВО») по вопросам, связанным с переселенческим движением из Илийского края после кризиса 1880–1881 гг. Тема исследования раскрывает ряд проблем, связанных с миграционными процессами в регионе, отраженными на страницах газеты «ВО». Анализ газетных материалов позволяет не только проследить хронологию переселения, но и определить отношение российской общественности к переселенческому процессу и новому населению региона в целом. Последовательный анализ сообщений периодической печати дает возможность представить репрезентацию миграционных процессов в регионе в условиях напряженности российско-китайских отношений. Актуальность данного исследования заключается в определении особенностей миграционного процесса в регионе и последствий переселения, которые оказали непосредственное влияние на формирование этнополитического пространства региона.

Проблемы переселенческого движения из Цинской империи в пределы России обычно рассматриваются отечественными историками в рамках истории русско-китайских отношений и не представляют собой самостоятельные темы исследований. В. В. Тумайкиной, Д. В. Васильевым затрагивались вопросы размещения и обустройства китайских эмигрантов из Синьцзяна во второй половине XIX в. В центре внимания работ – деятельность российской администрации. В ряде историко-этнографических работ исследователи касаются вопросов переселенческого движения из Синьцзяна в Россию, большое внимание уделяют численности эмигрантов в контексте анализа

этнических миграций. Сам процесс переселения, обстановка в регионе, касающаяся переселенцев, остается без внимания. Материалы газеты «ВО» как исторического источника широко используются современными исследователями. Значительная часть работ Л. В. Кальминой опирается на результаты анализа сибирской печати, в том числе «ВО». Е. В. Севостьяновой был проведен анализ материалов «ВО» об Илийском кризисе и пограничном разграничении после него. Особого внимания заслуживают методы работы с «ВО» как историческим источником. Зачастую материалы газеты содержат целый комплекс источников (от воспоминаний и путевых заметок до сообщений официальных властей и публикации документов). Представленный ниже анализ материалов газеты может дополнить исследования по истории русско-китайских отношений в регионе, миграционным процессам и взаимодействию Цинской империи с центральноазиатскими территориями.

Целью данного исследования является репрезентация переселенческого движения из Илийского края в пределы Российской империи после Илийского кризиса на страницах газеты «ВО». Как известно, газета «ВО» представляла собой периодическое издание, специализировавшееся на проблемах Сибири, отношений с азиатскими странами и народами. Часто газета «ВО» выполняла функции общественного контроля, обращая внимание на различного рода нарушения со стороны сибирских чиновников. Кроме того, «ВО» стало изданием, выражающим и, в большей части, формирующим общественное мнение по вопросам взаимодействия с восточными соседями. В процессе исследования были выполнены следующие задачи: проведен контент-анализ номеров газеты «ВО» с 1 апреля 1882 г. по июнь 1883 г.; выявлены публикации, имеющие отношение к переселенческому движению населения Илийского края в пределы Российской империи; определен характер сообщений, выделены особенности переселенческого движения, о которых упоминает газета.

Хронологические рамки исследования ограничены небольшим периодом: весна 1882 – весна 1883 гг. Нижняя граница хронологических рамок обусловлена началом издания газеты «ВО», в которой с первых номеров освещались вопросы, связанные с переселением населения из Илийского края в пределы Российской империи. Первый номер газеты «ВО» вышел 1 апреля 1882 г. Кроме того, именно весной 1882 г. был подписан протокол о передаче китайцам Илийской территории. Согласно протоколу, все желающие перейти в пределы Российской империи в течение года (до 10 марта 1883 г.) состояли под российским управлением и охраной российских войск. Собственно с окончанием действия упомянутого протокола связана верхняя граница хронологических рамок представленного исследования. Так как на получение сообщений из Кульджи требовалось время, нами был проведен анализ номеров газеты до лета 1882 г.

Переселенческий процесс начался еще в период напряженности в регионе, задолго до подписания протокола 1882 г., приостанавливаясь по причине неподходящих погодных условий (дождь, распутица). Положение

на границе, проблемы переселения и различные аспекты русско-китайских отношений освещались российской периодической печатью. До начала мая 1883 г. актуальность вопросов, связанных с передачей Илийского края под власть китайцев и переселением населения в пределы Российской империи, подтверждалась содержанием рубрики «Вести с Востока». Большинство сообщений рубрики были посвящены новостям Илийского края. В номерах «ВО» по вопросу о переселенческом движении из Кульджи можно встретить следующие типы материалов: информация из «Правительственного вестника», цитаты телеграмм российского императорского комиссара в Кульдже, исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора, известия из Кульджи корреспондента газеты, сообщения из газеты «Туркестанские ведомости», официальные документы. Например, в номере от 23.12.1882 г. было опубликовано извлечение из протокола по разграничению китайской границы Илийского округа.

Заметок, сообщений и статей, непосредственно касающихся проблем переселенческого движения после Илийского кризиса, за рассматриваемый период было выявлено 32: 3 статьи, 5 сообщений в рубрике «Вести с Востока», 24 – репортажи корреспондента газеты из Кульджи, Верного, Борохудзира. Таким образом, подавляющее большинство материала газеты представляет репрезентацию событий корреспондентами-очевидцами на местах.

В связи с ограниченным объемом статьи приведение результатов количественного анализа не представляется возможным. Ниже изложены результаты качественного анализа текстов «ВО». Динамика сообщений не отличается значительными колебаниями в рассматриваемый период. Несколько заметнее на страницах газеты сообщений по данной тематике становится весной (период засева полей, обострение продовольственных проблем). По характеру сообщений можно выделить несколько проблем, связанных с переселенческим движением и освещавшихся на страницах газеты. Первый блок сообщений можно охарактеризовать как материалы, посвященные отношениям российских и цинских властей в регионе. В центре нашего внимания оставались только сообщения, связанные с переселенческим движением. Об отношениях российско-цинских властей в регионе на страницах газеты имеется также немало материала в контексте решения вопросов разграничения. Сообщения данного блока зачастую не только опираются на личное впечатление корреспондентов газеты, но и содержат оценки представителей российской администрации в регионе. Ко второй группе сообщений можно отнести материалы, касающиеся так называемой «технической» стороны вопроса переселения: процесс оформления билетов (со стороны цинской администрации – вербовки), описание маршрутов переселения, вопросы временного размещения, перевозочных средств, сохранения хлебных запасов. Сообщения данного блока в основном представляют собой личные впечатления корреспондентов, повествование о пережитых ими событиях. Наконец, третий блок материала газеты можно определить как сообщения о конкретных этнических

группах переселенцев. Корреспонденты газеты выделяют таранчей (уйгуры), дунган и кочевое население (преимущественно киргизы) как основную часть переселенцев. Сочувствуют корреспонденты таранчам, об остальных этнических группах пишут весьма сухо.

Передача края под управление китайских властей

Процесс передачи края китайским властям начался практически сразу после подписания протокола 10 марта 1882 г. Уже 1 апреля 1882 г. в Кульдже было открыто российское консульство, возглавил которое И. В. Подерин. Разграничение российских и китайских территорий началось с участка с востока от Зайсана.

Стоит отдельно рассмотреть вопрос, связанный с передачей под китайское управление Илийской территории. Российский императорский комиссар в Кульдже, статский советник Шишмарев, весной 1882 г. оценивал восстановление китайского управления во главе с цзянцзюнем¹ Дзинем² «при полном спокойствии» (Вост. обозр., 5, 1882, с. 6). До прибытия цзянцзюня в Или русские отмечали ровные и спокойные отношения с китайскими властями; по оценке корреспондента газеты, «введение фактической китайской власти в Илийской долине, на практике, почти не изменит настоящего положения нашей администрации» (Вост. обозр., 5, 1882, с. 10). Уже в феврале 1882 г., по сведениям из Шихо³, китайцы готовились к походу в Кульджу: «Один из комиссаров отправился туда с конвоем 250 человек, а 15 февраля предполагали двинуться и другие китайцы; затем ожидается с большим войском другой комиссар, назначенный из Пекина» (Вост. обозр., 5, 1882, с. 5). Весьма подробный репортаж о прибытии цзянцзюня в Суйдун⁴ был опубликован на страницах газеты. Церемония встречи цзянцзюня отражает традиционные порядки взаимоотношений внутри цинской администрации. Уже в пяти верстах от Суйдуна, по почтовой дороге к станции Чинчаходзи⁵, был выставлен отряд китайской конницы в полной парадной форме (50 чел), ближе к Суйдуну были разбиты палатки от китайцев и дунган⁶ с угощением, остальные ожидали прибытия цзянцзюня у реки Суйдунки (Вост. обозр., 12, 1882, с. 3). Корреспондент газеты восхищался поразительным зрелищем массы знамен, значков, их разнообразия. Однако стоит отметить, что от представи-

1 Цзянцзюнь (将军 jiāngjūn) – генерал-губернатор административных образований на территориях Внешнего Китая в эпоху Цин

2 Правописание китайских имен, приведенных на страницах газеты, сохранено.

3 Шихо (совр. Усу) – городской уезд в Чугучаке (территория совр. Или-Казахского автономного округа СУАР).

4 Суйдун (совр. Шуйдин) – поселок в уезде Хочэн (территория совр. Или-Казахского автономного округа СУАР). В 1880-е гг. В Суйдуне располагалась ставка цзянцзюня.

5 Чинчаходзи – город, крепость на пути в Кульджу

6 Дунгане – принятое в Российской империи общее название синоязычного мусульманского народа. Другое название – «хуэй» (с кит.яз.). Расселены на территориях современных Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Китая.

телей русской администрации не ускользнула напряженность в отношениях между амбанем¹ Шэном и прибывшим цзянцзюнем: «Цзиня не Шен, ни его свита не долюбивают и, по-видимому, держатся особняком от него... Шен, по-видимому, недоволен Цзинем и действиями его войск, почему поспешил выехать в Кульджу обратно 20-же числа» (Вост. обозр., 12, 1882, с. 6). С приходом китайских войск в Или цзянцзюнь при встрече с представителями русской администрации «высказал полнейшее желание жить в дружбе со всем русским начальством, не скрывал радости прибытия в Или» (Вост. обозр., 11, 1882, с. 6).

С подписанием протокола российская сторона ожидала трудностей, связанных с противостоянием китайской стороны переселению. Еще 1 марта 1882 г. киргизам Кульджинского края было объявлено об амнистии, опрошено население на предмет выбора подданства. Киргизы изъявили желание принять подданство Российской империи. Во многом желание киргизов переселиться было связано со слухами из Шихо, наводнившими Кульджу. В сообщениях говорили о жестокости армии цзянцзюня, так как они практически лишены содержания. Согласно донесениям корреспондента газеты, китайское войско продвигалось вместе с землепашцами с семьями, купцов не пускали («рано еще, ничего не устроено») (Вост. обозр., 10, 1882, с. 7). Войска цзянцзюня не имели продовольственных запасов. Согласно словам содержателя Чинчаходзийской станции, в день прихода китайских войск в Чинчаходзи солдаты ели цветы плодовых деревьев и всякую зелень (Вост. обозр., 12, 1882, с. 6). 18 апреля 1882 г. войска цзянцзюня вступили в Суйдун; для российской администрации в крае наступило «самое тяжелое и замысловатое время: мириться с распушенностью китайщины и вместе с тем защищать интересы своих подданных» (Вост. обозр., 11, 1882, с. 7). Для охраны почт, переселенцев и землепашцев было направлено прошение о переброске из Борохудзира² в Суйдун одной сотни казаков (Вост. обозр., 11, 1882, с. 6).

Прибытие цзянцзюня с войском в Суйдун значительно усложнило ситуацию в крае. Китайские солдаты пытались занять дома российских подданных (Вали-Ахуна Юлдашева, тюменских татар), с китайскими подданными не церемонились совсем: сановники и сам амбань Шэн по возвращении в свои дома обнаружили там китайских солдат (Вост. обозр., 12, 1882, с. 5). По всему городу начались мелкие драки за дома. При вступлении в город начались конфликты между российскими подданными и китайскими солдатами: последние заставляли первых попавшихся готовить им пищу, носить воду, отмечены случаи насилия в отношении их жен, детей, грабеж скота и имущества. Кроме того, китайские солдаты вломились в русские казармы (в казармах еще оставались вещи, поэтому там были выставлены часовые), где разгореться вооруженному

1 Амбань (кит. 办事大臣 баньши дачэн) – маньчжурский наместник, подчинялся цзянцзюню и правительству в Пекине.
2 Борохудзир (станция Голубевская) – русское поселение, город, выстроенный в 1868–69 гг. на месте бывшего китайского пикета.

конфликту помешали действия подполковника Ваулина и своевременный приезд китайского чиновника с приказом (Вост. обозр., 12, 1882, с. 5). Несмотря на заверения цзянцзюня Дзиня о принятии срочных мер к восстановлению порядка, были нарушены линии военного телеграфа: сообщение Кульджи с Суйдуном сохранить удалось, линия с Кольджегером была оборвана. Несколько стабилизировала ситуацию в городе раздача продовольствия китайским войскам: верненский купец Валиахун Юлдашев заранее заготовил хлеб для китайцев, началась раздача по полтора цзиня муки и порции лука в день (мяса не давали). (Вост. обозр., 12, 1882, с. 6).

В дальнейшем небольшие стычки между китайскими и русскими военными происходили чаще всего не в городе, а в окрестностях и на дорогах. Ряд конфликтных ситуаций произошел в конце мая – начале июня 1882 г.: восемь раз обрывали проволоку военного телеграфа, в итоге она была украдена; в сотника Ерковского, проезжавшего с женой через Суйдун, китайцы бросили камень; 47 киргизов байджигитов и кызаев¹, ехавших в Кульджу для сдачи подати и на съезд, были задержаны китайцами, которые их пытали и, оставив двоих в заложниках, требовали выкуп (Вост. обозр., 20, 1882, с. 9). Со стороны цзянцзюня реакции не последовало, несмотря на обращения русской стороны. Только после доведения сведений консулом до Азиатского департамента МИД ситуация стала меняться, и бездействие со стороны цзянцзюня прекратилось. Летом 1882 г. было зафиксировано два случая столкновений. Подпоручик, проезжая из Суйдуна в Коджигер снимать линию телеграфа, ранил из револьвера в руку китайского офицера, который позволил себе ударить его пикой; под Чинчаходзи китайцы дали три выстрела по казачьим лошадям, пасшимся в логу (Вост. обозр., 16, 1882, с. 11). Оба случая не привели к ухудшению отношений, были разрешены на уровне командиров.

Войска цзянцзюня стали расквартировываться по западной части Илийской территории: более 3 тыс. чел. должны были разместиться в маньчжурской Кульдже, Тардэни, Чинчаходзи; планировалось также размещение войск в Чимпандзи² и Баяндай³ (Вост. обозр., 12, 1882, с. 6). В период передачи края китайским властям местное население включилось в различные мероприятия, связанные с изменением статуса края и расположением здесь китайских войск. Например, суйдунские и чинчаходзинские дунгане-бедняки, планировавшие переселиться в российские пределы, остались до осени в крае с целью заработать при возведении войсковых барачков, при устройстве выходцами-таранчами⁴ поселения на Усеке⁵ (Вост. обозр., 6, 1882, с. 13).

1 Киргизы байджигиты, кызай – киргизы двух средних родов, кочующие на территории Кульджинского района.

2 Чимпандзи – китайский город, через который проходил путь к Хоргосскому Мазару. Был разрушен.

3 Баяндай – китайский город, располагавшийся рядом с Кульджей. Был разрушен.

4 Таранчи (илийские уйгуры) – термин, употреблявшийся для обозначения земледельцев-мусульман, проживающих на территории Кульджи. Представляли этническую группу уйгуров Центральной Азии.

5 Усек – приток Или, река на территории современного Казахстана.

По прибытии в Суйдун цзянцзюнь через несколько дней выехал в Кульджу с приветственным визитом к комиссару генералу Фриде и статскому советнику Шишмареву; уже на следующий день он отбыл обратно в Суйдун, опасаясь возможных там без него беспорядков (Вост. обозр., 12, 1882, с. 10). Анализ донесений корреспондента из Кульджи приводит к выводу о том, что прибывший цзянцзюнь неверно оценивал обстановку в крае, собирая войска. К концу лета 1882 г. китайским войскам в Суйдуне грозил голод, а цзянцзюнь вполне имел все шансы встретиться с бунтом. Такая неосмотрительность объясняется неверной оценкой цзянцзюня ситуации в крае: «Цзинь был уверен найти здесь большинство жителей в качестве китайских подданных, с которых он, конечно, взял бы и хлеб, и деньги» (Вост. обозр., 19, 1882, с. 11). Реальное положение дел складывалось таким образом, что большинство работоспособного населения, земледельцев ушло в пределы Российской империи. С уходом таранчей и дунган Кульджа, Суйдун, Чинчаходзи опустели:

«... на улицах не было прежнего оживленного движения, вода из арыков разлилась по улицам, мосты поломаны, дороги попорчены, некоторые сакли полуразрушены, в садах фруктовые деревья порублены. Цены на все быстро поднялись» (Вост. обозр., 39–40, 1882, с. 6).

Переселенческое движение оказало серьезное влияние на ситуацию в крае. В Кульдже и Суйдуне цены значительно возросли: сотня клевера стоила 12 руб (в Суйдуне – 15 руб), за пуд ячменя и муки просили 60 коп и 85 коп соответственно (Вост. обозр., 6, 1882, с. 13). Положение военных и чиновников в крае ухудшалось: при росте цен фуражные деньги были заменены рационами с определенными ценами, часть служащих их не получали (Вост. обозр., 6, 1882, с. 13). Кроме служащих и служивших должностных лиц, переселенческое движение оказало влияние на положение купечества. Купцы просили решить вопрос о вознаграждении за имеющуюся у них в крае недвижимость, которую они потеряют после передачи края китайским властям. На этот счет в информационных сводках «Восточного обозрения» встречается следующее:

«Если вознаграждение служилого люда за покупаемую здесь недвижимую собственность заслуживает внимания правительства, то домогательства купечества, разбогатевшего здесь и составившего значительные капиталы, как торговыми операциями, так и эксплуатацией той же недвижимости, доставшейся им без значительных затрат и уже окупившейся принесенными выгодами, – едва ли достойно удовлетворения» (Вост. обозр., 9, 1882, с. 10).

Дальнейшие события переселения российских служащих открыли немало дел, связанных с присвоением компенсации, различными махинациями, содержание которых было описано в статье «Кульджинские дельцы» (Вост. обозр., 17, 1883 г.).

Прибытие китайских войск в Суйдун, несмотря на оптимистичные прогнозы русской администрации, привело к ухудшению российско-китайских отношений на местах. Согласно сведениям корреспондента из Кульджи, китайская сторона практически сразу начала нарушать подписанные

трактаты, стеснять русскую торговлю и российских подданных: в Суйдуне начали собирать пошлины с продаваемых русскими торговцами баранов, задерживали и не пропускали рис, провозимый переселенцами в Семиречье (Вост. обозр., 15, 1882, с. 7). К концу лета 1882 г. китайские власти все более открыто демонстрировали нежелание иметь какие-либо договоренности с русской администрацией. Для обеих сторон обострился продовольственный вопрос: расквартированным в крае китайским войскам грозил голод, русская администрация пыталась найти варианты для провоза хлеба переселенцев в пределы Российской империи. Китайские сановники, надеясь на захват урожая после ухода русских войск, минимизировали все контакты с представителями русской администрации: «Цзян-цзюнь и Чан-ин-вучу держатся непреступно, личных объяснений с посылаемыми чиновниками часто иметь не желают, отговариваясь то недосугом, то болезнью» (Вост. обозр., 19, 1882, с. 11). Единственным фактором, обеспечивающим относительную безопасность представителей русской администрации в крае и гарантию переселенческого движения, являлось наличие под Суйдуном военизированного отряда. После вывода российских войск из Суйдуна в связи с начавшимися там грабежами были выставлены по три казака на каждую из почтовых станций Суйдуна, Чинчаходзи, Алимту для обеспечения безопасности и конвоирования почты (Вост. обозр., 10, 1882, с. 7). Оккупационный отряд русских войск составлял менее 1,5 тыс чел. Присутствие российского отряда в Суйдуне, русских пушек в пригороде вызывало крайнее недовольство цзянцзюня. Особенно обеспокоен Цзинь был присутствием казаков: «... казаков в Суйдуне не следовало бы держать; они верхом ездят: ведь вон какие страшные!» (Вост. обозр., 12, 1882, с. 6).

После ухода российских войск с территории края в октябре 1882 г. начались беспорядки в отношении российских подданных. Из сообщения газеты «Туркестанские ведомости»:

«14 октября китайские солдаты, с начальником во главе, имея трубы, оружие и значки, приехали... из Северного Мазара на Алимтинскую станцию, упраздненную с 1 октября, и связав там бывшего старосту Ананишина, приехавшего с Хоргоса за оставшимся на станции имуществом, пытали его и умертвили; то же проделали они с приказчиком купца Тарасова, Казаковым» (Вост. обозр., 38, 1882, с. 16).

Также имелись сообщения об убийстве казаков близ Алимту. Зимой 1883 г. корреспондент газеты сообщал из Верного об убийстве киргизов, сарта, о поджоге станции Алимту, зимовок сувановцев в районе озера Куркульдека¹, угоне около сотни лошадей у суванов², зимующих на Тышкане³ (Вост. обозр., 3, 1883, с. 4).

1 Озеро, расположенное в совр. Алматинской области Казахстана.

2 Суваны – киргизы большой орды поколения суван, кочующие на территории Кульджи.

3 Река в совр. Алматинской области Казахстана.

С целью обеспечения безопасности российских подданных в пунктах расположения оккупационного отряда в Илийской долине и по дорогам их следования были приняты следующие предосторожности. Все проезжающие от Кульджи до Хоргоса конвоировались отрядами казаков не менее 12 человек, все переезды жителей должны были быть согласованы через почтовое сообщение. Переселенцы на быках, не имеющие возможности ехать с почтой, обязаны были объединяться в караваны более 30 арб, такому каравану представляли казачий конвой (Вост. обозр., 10, 1883, с. 7). Несмотря на меры предосторожности, ситуация в Суйдуне и окрестностях становилась с каждым днем напряженнее. Цзянцзюнь и местные сановники практически не реагировали на беззаконие со стороны китайской армии в отношении российских подданных. Корреспондент газеты отмечал: «Китайскому произволу на окраинах нет предела; прессы нет, телеграфов не существует, почта идет до Пекина в один конец не менее полгода, ревизии невозможны... делай что хочешь» (Вост. обозр., 14, 1883, с. 3). Наиболее распущенными считались чинчаходзинские войска под предводительством Лиу-тунлина: «Все крупнейшие насилия и злодеяния учинены войсками этого гарнизона» (Вост. обозр., 16, 1883, с. 3).

Таким образом, прибытие китайских войск во главе с цзянцзюнем создавало ряд обстоятельств, осложняющих переселенческое движение. Ключевыми проблемами, оказавшими влияние на переселенческий процесс, стали бесчинства китайских войск в отношении населения региона и проблема обеспечения китайской армии хлебом.

Переселенческое движение мусульманского населения после Илийского кризиса

До подписания протокола 1882 г. переселенцы из Кульджи уже селились в Семиреченской области. Весной 1882 г., по донесению исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Колпаковского, переселенцы (около 5 тыс. дворов) уже произвели посевы, «в неделю проведено 8 верст оросительного канала» (Вост. обозр., 5, 1882, с. 6). С прибытием китайской армии население Суйдуна и окрестностей, подогреваемое слухами о бесчинствах китайцев, массово стали покидать свои дома. Часть дунган Суйдуна в срочном порядке просили у русской администрации разрешений на выезд, уехали, побросав засеянные поля. Уже 27 апреля 1882 г., уstraшенные прибытием китайцев, киргизы-сувани перекочевали в российские пределы (на территорию между реками Хоргосом и Усеком) (Вост. обозр., 12, 1882, с. 10).

Переселенцы записывались в списки желающих перейти в пределы Российской империи, согласно записи получали билет. Такие списки вел комиссар на месте, также были командированы особые чиновники на Чарын и Или у Борохудзира с целью организации более точного учета переселяющихся

и составления ведомостей о числе хлеба, имущества и скота переселяющихся (Вост. обозр., 5, 1882, с. 10). До подписания протокола о передаче края китайским властям имелись следующие сведения о желающих переселиться в пределы Российской империи: из восточных районов практически все население перебралось к Дубуну (согласно спискам, из 7 волостей только два семейства изъявили желание остаться); пригородные кульджинцы и тугуз-тораусцы частью берут билеты, частично записываются у китайцев; в южных районах часть кайнакцев¹ остается, хонохайцы² все выселяются; дунгане планировали уйти все в течение марта (Вост. обозр., 6, 1882, с. 12-13). Каширские сарты (торговцы, промышленники, ремесленники), платившие подати русской стороне, просили выдать им билеты на переселение в российские пределы, выразили полную готовность принять условия о воинской повинности, обязательном обучении детей русскому языку (Вост. обозр., 8, 1882, с. 8).

К концу лета 1882 г. корреспондент газеты отметил, что половина населения Илийской долины уже переселилась в пределы Российской империи, другая половина – перейдет осенью после уборке хлебов на территориях, переданных под власть китайцев (Вост. обозр., 22, 1882, с. 8). Зимой 1882 г., согласно сообщениям газеты, в Семиреченскую область, на отведенные администрацией территории, переселились порядка 9636 дворов таранчей и дунганей: на притоках Аксу, Чарына и Каратума поселилось 1273 двора, по правому берегу Чилика – 2215 дворов, по левому берегу Чилика – 2444 двора, по реке Тургень – 2704 двора (Вост. обозр., 39-40, 1882, с. 6). Переселенцы, дошедшие до пределов Российской империи, располагались в отведенных администрацией местах, засевали поля пшеницы, риса и кукурузы, проводили новые арыки для орошения полей. В новых поселениях возводили дома и хозяйственные постройки. Имея возможность начать строительство в развалинах китайского города Джаркенда, переселенцы использовали камень и глину развалин, некоторые развалины подходили для сооружения хозяйственных построек, здесь же мог встретиться жженый китайский кирпич высокого качества (Вост. обозр., 39-40, 1882, с. 7).

Процесс переселения был сложен в силу ряда причин: помимо объективных сложностей в перевозке скота, имущества, хлеба, существовали постоянные угрозы грабежа и расправы со стороны китайских солдат или банд дунган и сибинцев, промышлявших по пути следования переселенцев. Согласно сообщениям «Восточного обозрения», к ноябрю 1882 г. часть переселенцев оказалась в ужасном положении: они уже покинули родные места, но еще не водворились в отведенные для них районы российских пределов. В местечке под Борохудзиром, в развалинах китайского города Тургеня, расположился своеобразный лагерь переселенцев. Здесь еще весной 1882 г. был сооружен склад, куда переселенцы свозили хлеб. Здесь же оставляли стариков,

1 Кайнакцы – жители большого селения Кайнак (Кайнук) на левом берегу Или. Население селения составляли таранчи и сарты.

2 Хонохайца – жители Хонохайской волости, преимущественно таранчи.

жен и детей переселенцы, уже бежавшие от китайских властей, но вернувшиеся за остатками хлеба, имущества, леса (ломали деревянные постройки, увозили с собой). Вот как описывает лагерь переселенцев корреспондент газеты: «Был ноябрь месяц. Пользуясь развалинами, одни построили себе как попало жилища, другие поместились в плохих юртах, а третьи, беднейшие, пробивались под арбами, прикрываясь кошмами от холода. Положение многих из них было очень незавидное» (Вост. обозр., 39–40, 1882, с. 6). Весной 1883 г. для остающихся в Илийском крае 700 семейств бедных таранчей в Кульджу были направлены арбы. Влиятельные таранчи Вали-ахун и Абабахри готовились оказать помощь беднякам, обеспечив их кровом и хлебом. Верненский купец первой гильдии Вали-ахун Юлдашев роздал бедным и неимущим свыше 3000 пудов пшеницы зерном, доставлял перевозочные средства (нанимал арбы), наиболее бедным своим должникам купец простил долги. Все благодеяния Вали-ахуна оценили в сумму 32 тыс. руб. (Вост. обозр., 17, 1883, с. 5). В середине февраля 1883 г. в пределы Российской империи прибыло 410 арб с бедняками-переселенцами, еще 290 семейств были распределены за плату между богатыми переселенцами (Вост. обозр., 19, 1883, с. 7).

До 10 марта 1883 г., по предварительным подсчетам корреспондентов «Восточного обозрения», в пределы Российской империи переселилось 75 тыс. таранчей, 5 тыс. дунган, 5440 кибиток киргизов – всего свыше 100 тыс. человек (Вост. обозр., 21, 1883, с. 7). Стоит отметить, что данные корреспондентов газеты несколько расходятся с официальным рапортом генерал-губернатора Степного края, который определял число переселившихся в 70 тыс. душ (Юсуров, 1951, с. 32). Очевидно, что корреспонденты приводят данные за оба этапа переселения (до 1881 г. и после марта 1882 г.).

Переселение производилось в несколько потоков: группы таранчей выдвигались в Дубун, Узун-Там, Кош-Агач, Усек; дунгане шли малыми партиями в сторону Борохудзира. Там дунгане получили разрешение генерала Фриде устроить в районе развалин Тургеня хлебный магазин, куда они свозили весь непроданный хлеб в ожидании освобождения перевозочных средств и во избежание посягательств на хлеб со стороны китайцев (Вост. обозр., 5, 1882, с. 10). Дунгане-переселенцы старались вывезти к Борохудзире как можно больше земледельческих продуктов. Выезжавшие везли преимущественно рис, рассчитывая уже в России поменять рис на пшеницу по курсу один пуд риса к пяти-шести пудам пшеницы (Вост. обозр., 9, 1882, с. 10). Переселенцы в южных районах края весной-летом 1882 г. заняли земли, свободные от уже ушедших, сеяли хлеб, чтобы осенью после сбора урожая переселиться в пределы Российской империи, некоторые переселенцы арендовали земли у сибинцев. Оставшихся на местах оказалось более половины из числа желающих переселиться. Однако летом 1882 г., в ожидании прибытия войск во главе с цзяцзюнем, среди населения началась паника: по слухам из Шихо, войска уже два месяца не получали жалованья, поэтому грабят купцов, земледельцев и горожан (Вост. обозр., 10, 1882, с. 7). Русская администрация всеми силами

старалась задержать часть народа до осени: нужно было собрать хлеб во избежание недостатка хлеба и в связи с ростом на него цен в Семиречье после прибытия переселенцев.

Вопрос о перевозке хлеба на протяжении всего периода переселения стоял очень остро. Осенью 1882 г. вопрос обеспечения китайской армии продовольствием стал ключевой проблемой цинской администрации. Усиленные дожди весной и летом привели к ржавчине на колосьях, в Шихинском крае хлеб поела саранча (Вост. обозр., 34, 1882, с. 6). Переселявшиеся в российские пределы таранчи увозили хлеб с собой. Перспектива оставить армию без запасов и поставок хлеба становилась более чем реальной. Согласно сведениям корреспондента из Кульджи, с прибытием в Суйдун цзянцзюнь Дзинь решил не позволять вывоз хлеба из района во избежание голода прибывших китайских войск (Вост. обозр., 12, 1882, с. 5). Позже сановник Чан-ин-вучу в беседе с генералом Фриде открыто заявил, что китайцы намеренно будут препятствовать вывозу хлеба переселенцами, боясь недостатка в хлебе для прокормления имеющихся и ожидающихся войск (Вост. обозр., 19, 1882, с. 10).

В апреле во время движения китайских войск во главе с цзянцзюнем через Талкинский перевал чинились препятствия переселенцам: через Талки не пропустили караван сарта на 160 верблюдах с грузом ковров и 1500 пудов риса (Вост. обозр., 12, 1882, с. 5). Цзянцзюнь приказал сарту продать ему рис по 7 руб за 4 пуда (сарт просил 14 руб за 4 пуда) или возвращаться в Кульджу. Также по пути в Талках китайские войска отобрали барана у торговца и не заплатили денег. Данные факты не только демонстрируют намерения цзянцзюня сохранить хлеб и скот в пределах Цинской империи, но и отражают отношение верховного сановника к управляемым территориям. В дальнейшем ситуации, связанные с действиями китайских солдат в отношении имущества переселенцев (особенно хлеба и риса), неоднократно повторялись и приводили к стычкам с русскими разъездами и пикетами. Так, в № 15 от 8 июля 1882 г. упоминается об убийстве таранчинца китайскими солдатами, попытке китайских солдат развернуть три арбы переселенцев с запасами обратно в Суйдун, вмешательстве наших войск (Вост. обозр., 15, 1882, с. 7).

В конце лета 1882 г. проблема вывоза хлеба весьма сильно беспокоила русскую администрацию. Урожай с засеянных изъясвившими желание переселиться в пределы Российской империи на переданной китайским властям территории ожидался в размере не менее одного миллиона пудов хлеба. Перевозочных средств в необходимых количествах у таранчей не было. Русские власти опасались, что их уход в октябре может привести к потере всего урожая. Зимой, после ухода русских войск, надежды на вывоз хлеба уже не было никакой (Вост. обозр., 19, 1882, с. 10–11). Кроме того, вся дорога от Чинчаходзи до Алимту усилиями китайцев стала практически непроездной: мосты разобраны, один разрушен через реку Аксу, вода распущена по всей дороге (Вост. обозр., 19, 1882, с. 11).

Согласно сведениям от корреспондента газеты, еще до подписания протокола 10 марта о передачи края китайским властям китайский интендант Ин-Чжу-Мин в южном участке и в Кульдже вербовал таранчей в подданство Цинской империи, «награждая остающихся не только обещаниями всяких благ в будущем, но и деньгами в настоящее время» (Вост. обозр., 6, 1882, с. 12). Желая выдавали охранные листы; по сведениям корреспондента, завербованных китайцами таранчей насчитывалось до 1000 чел. Отмечены попытки цзянцзюня на разных условиях договориться с таранчами о возвращении в пределы края или поставках хлеба. Корреспондентом газеты описан случай перехода на сторону китайцев таранчинца Б. – купца второй гильдии (Вост. обозр., 34, 1882, с. 5–6). Цзянцзюнь пожаловал таранчинцу Б. титул хакимбека (народный правитель) взамен обещания уговорить переселившихся таранчей вернуться, а остальных – остаться. Кроме того, таранчинец Б. обещал цзянцзюню в течение трех лет отдавать весь хлеб таранчей по назначенной Цзинем цене (15–20 коп за пуд) (Вост. обозр., 34, 1882, с. 6).

К концу лета 1882 г. ситуация изменилась: китайские солдаты начинают силой задерживать переселение. Так, киргизы Байджигитовской волости, перекочевывая, подошли к Талкинскому перевалу; их не пропустили, начав стрельбу (Вост. обозр., 22, 1882, с. 9).

В осенних номерах «Восточного обозрения» проходит информация о попытках со стороны цинских властей переманить переселиться на территорию Илийского края кочевников-российских подданных (кара-киргизы, калмыки-улюты) (Вост. обозр., 29, 1882, с. 7). Калмыкам-улютам, изъявившим желание выйти из пределов Российской империи и принять подданство Цинской империи, цзянцзюнем была обещана помощь в уплате долгов. Действительно, старшина калмыков Цегибджан привез от цзянцзюня ссуду на уплату податей и часть денег на уплату частных долгов (около трети необходимой калмыкам суммы) (Вост. обозр., 13, 1883, с. 5). После уплаты подати и части долга купцам областная администрация предоставила им право уходить в китайские пределы. Корреспондент газеты об уходе калмыков-улютов пишет немного, подчеркивая, что он никак не связан с политикой местной администрации: «К уходу многих калмыков на Тогузторай, особенно из ущелья реки Большого Музарта, вынудило какое-то насекомое, называемое киргизами алакурт... насекомое это нападает на скот и в самое короткое время истощает его» (Вост. обозр., 13, 1883, с. 5).

Таким образом, переселенческое движение после Илийского кризиса в крае преимущественно имело характер движения в пределы Российской империи. Незначительное число кочевавших на территории Российской империи изъявили желание принять подданство Цинской империи. Движение из Илийского края, переданного под власть китайской администрации, в Россию носило массовый характер. Страх перед китайской армией, политикой цзянцзюня (по слухам, после ухода русских войск цзянцзюнь обещал отдать край на разграбление армии) привели к массовому исходу таранчей,

вынудили дунганей и кочевые племена выйти к границам Российской империи. Растянувшийся процесс переселения был напрямую связан с продовольственным вопросом, точнее, с перевозкой хлеба. С одной стороны, нехватка перевозочных средств задерживала хлеб неподалеку от российской границы, с другой – дабы обеспечить себя продовольствием, часть переселенцев осталась до осени, засеяв поля в надежде забрать собранный хлеб с собой. Со стороны китайской администрации и армии были предприняты ряд мер к задержанию земледельцев в пределах края, хотя большее внимание уделяли сохранению хлеба в крае, опасаясь грядущего голода.

Особенности переселенческого движения из Илийского края в пределы Российской империи

Основную часть переселенцев из Кульджи составляли семьи таранчей (этническая группа уйгуров) и дунганей (в Китае их называли «хуэйцзу»). Самой активной этнической группой переселенческого движения в пределы Российской империи являлись таранчи. Под страхом перед скором прибытии в край китайских войск таранчи стремительно покидали обжитые места еще до подписания протокола 10 марта 1882 г. Весной 1882 г. генерал-майор Фриде был вынужден совершить личный объезд населения: необходимо было убедить не торопиться с переселением, засеять поля (Вост. обозр., 8, 1882, с. 8). Российские власти были крайне заинтересованы в прибытии нового населения с запасами скота, имущества и хлеба.

Процесс переселения дунганей отличался от переезда таранчей. Во-первых, отсутствовал массовый характер переселения. В период с 20 марта по 8 апреля 1882 г. в пределы Российской империи из Илийского края переселилось 486 дунганских семей (2457 чел), с собой они имели 914 арб, 696 голов рогатого скота, 637 лошадей, 26 ослов и 250 баранов, хлеба на пропитание и семена при них до 4 тыс. пудов (Вост. обозр., 9, 1882, с. 10). Согласно данным мая 1882 г., из Илийского края выступило более 800 семейств, остальные билетов не брали (Вост. обозр., 8, 1882, с. 8). Многие из дунган оставались в нерешимости: расположившись у Борохудзира близ переправы и организованного ими хлебного склада, дунгане ждали установления китайского управления и в случае притеснения с их стороны были готовы сразу уйти в российские пределы (Вост. обозр., 9, 1882, с. 10).

Кульджинские кочевники, изъявившие желание перейти в пределы Российской империи из Илийского края, были представлены киргизами (кызаи, байджигиты, илийские адбаны). По сообщению генерал-адъютанта Мещерина, Семипалатинская область была готова принять до 3 тыс. кибиток кызаев и байджигитов (Вост. обозр., 22, 1882, с. 9). Весной 1883 г. киргизы байджигиты бея Мошана в количестве 200 юрт перекочевали на реку Каш (Вост. обозр., 19, 1883, с. 7). Переселение байджигитов Мошана сопровождалось

столкновениями с калмыками арбун-сумунами, которые отбили у переселенцев 9 тыс. голов разного скота, убили старшину, двух киргизов.

Отношения на пространстве переселенческого движения осложнялись разбойничьими шайками и бандами из дунган. Большинство банд формировалось из беглых дунган из Манаса. Однако грабежи в районе дороги от Сарайнора в Шихо, в горах Кок-Камыр давали повод цинским властям обвинять в существовании банд русскую администрацию. На приграничной территории Российской империи проживали дунгане, бежавшие из Кашгара при китайском погроме 1877 г. Действительно часть дунган Каракунуза присоединились к бандам в 1880–1881 гг. Однако, по наблюдениям российских властей, основную часть разбойничьих шаек составляли дунгане, проживающие на территории, переданной китайским властям. Конфликтные ситуации, связанные с нападением дунганских банд, между местными администрациями обеих стран стали причиной особых распоряжений генерал-губернатора в отношении дунган, уже проживающих на российской территории. Во-первых, был усилен контроль за дунганями, проживающими на российской территории. Отлучки на заработки и по другим надобностям требовали разрешения волостных управителей и уездных начальников, при этом необходимо было иметь поручительство благонадежных лиц (Вост. обозр., 1, 1883, с. 7). Во-вторых, было объявлено всем кульджинским дунганам, желающим принять российское подданство, чтобы они до 20 ноября выселились на территорию Российской империи, иначе, позже обозначенного срока, они будут считаться китайскими подданными (Вост. обозр., 1, 1883, с. 7).

Банды действовали на всем пути следования переселенцев. В ночь на 1 апреля 1882 г. казачий разъезд в районе Суйдуна наткнулся на вооруженную шайку дунган из 30 человек, один из них был убит, остальным удалось бежать (Вост. обозр., 8, 1882, с. 8). Таранчи с имуществом и запасами переплавились на плотках. На ночлег или при волнении реки они вынуждены были приставать к маньчжурскому берегу. Здесь они нередко подвергались нападениям со стороны сибинцев или китайцев. 21 апреля 1882 г. к генералу Фриде приходили таранчи с жалобой на разграбление их плотов китайцами и увод шести человек (Вост. обозр., 11, 1882, с. 7). Реакцией на жалобу переселенцев стало выставление на левом берегу Или казачьего пикета из 20 человек и разъезды по всему пространству у переправ или мест приставания на ночлег, задачей которых являлась охрана сплавляющихся (Вост. обозр., 11, 1882, с. 7).

Проявляли активность не только на пути следования переселенцев, но и на новых российских территориях Илийского округа банды сибинцев. Корреспондент из Кульджи описал два вопиющих случая нападения сибинцев. Таранчинец Арустанской волости Керим-баки Раимкулин с детьми остановился на ночлег в селе Кугунчи. Его сын и дочь поехали за дровами, где на них напали 5 сибинцев, увели их вместе с арбой, быком и имуществом. При попытке договориться с бандой был захвачен брат Керим-баки. Другой случай связан с ограблением дома андижанского сарта Мухамед-Халык Асам-

баева в селе Верхний Чакур. Шайка из десяти вооруженных сибинцев напала ночью, хозяин был ранен (Вост. обозр., 9, 1883, с. 8). Дела были переданы в консульства, со стороны китайской администрации реакции не последовало. Местная китайская администрация закрывала глаза на подобного рода преступления, иногда сибинцы непосредственно состояли на службе у Цин:

«по линии от Кольджата до Или устроены китайцами четыре пикета со служащими на них сибинцами. Эти пикеты, впрочем, вместо сторожевой службы, грабят и притесняют переселяющихся к нам таранчей, из коих многие пропали бесследно» (Вост. обозр., 11, 1883, с. 6).

Цинская администрация во главе с цзянцзюнем не справлялась с беспорядками, охватившими регион: дунганские и таранчинские шайки повсюду не давали проходу ни китайцам, ни переселенцам, ни калмыкам, ни даже своим оставшимся в китайском подданстве соплеменникам (Вост. обозр., 14, 1883, с. 3). В борьбе с бандами русская администрация из Кульджи высылала дважды по сотне казаков (Вост. обозр., 16, 1883, с. 3).

Таким образом, к особенностям переселенческого движения населения из Илийского края в пределы Российской империи можно отнести следующее. Во-первых, этнический состав переселенцев был многообразен, основную его часть составляли таранчи. Во-вторых, помимо различий в этническом составе, переселенцы имели значительную разницу в имущественном положении. Бедняков среди переселенцев оказалось больше ожидаемого русской администрацией. В-третьих, переселенцы встречали противодействие со стороны китайских войск, фактически поощряемых цинской администрацией. Наконец, переселенческое движение столкнулось с нападениями банд и шаек, для отражения которых российская администрация была вынуждена принять ряд предупредительных мер.

Заключение

В содержании «Восточного обозрения» за рассматриваемый период часто поднимается проблема азиатских окраин, отрицание «китайщины» как негативной характеристики восприятия соседей, вопрос «гуманных обязанностей к другим расам»: «Настоящее азиатство и китайщина есть замкнутость в себя и ненависть всего чужеземного и инородческого... Поднятие человека, хотя и азиатского, его возрождение, не будет нашим унижением, но явится нашей гордостью» (Вост. обозр., 6, 1882, с. 3). Анализ публикаций «Восточного обозрения» позволил представить репрезентацию переселенческого движения населения после Илийского кризиса.

Материалы «Восточного обозрения» содержат не только количественные показатели миграции, но и описывают ряд обстоятельств, оказавших влияние на переселенческое движение. Выполняя функции общественного контроля и формирования общественного мнения, газета выделяет проблему переселения населения из Илийского края в Российскую империю как одно из важнейших

новостных событий, о чем свидетельствует обилие публикаций на эту тему. Анализ материалов сообщений позволяет сделать следующие выводы.

Одним из ключевых вопросов в регионе в рассматриваемый период являлась проблема взаимоотношений русской и цинской администраций на местах. Обострение отношений на местах было вызвано переселенческим движением, точнее, возникшей в связи с ним продовольственной проблемой. Со стороны цинской администрации, согласно сообщениям корреспондента, намеренно не осуществлялось никаких действий по обеспечению гарантий безопасности переселенцам. Более того, риторика сообщений «ВО» напрямую указывает на связь цинской администрации и войск с некоторыми бандами в районах миграции, насильственной конфискацией хлеба, скота и иного имущества переселенцев. Достаточно много внимания корреспонденты газеты уделяют стычкам между русскими и китайскими военными. Инициатором всегда выступает китайская сторона, различные нарушения китайскими военными принятых договоренностей.

Вызывают интерес сообщения о разобщенности местных властей. Ссылаясь на свидетельства российских военных и представителей администрации, корреспонденты газеты представляют модель противоречивых отношений между гражданской и военной ветвями власти цинской администрации. Неоднократно на страницах газеты встречаются сообщения о напряженности между генерал-губернатором Цзинем (в некоторых номерах газеты его имя вследствие неустоявшихся правил транскрипции пишут как «Дзинь») и амбанем Шэнем, их якобы разных позициях по отношению к русским войскам и их присутствию в регионе. На фоне противоречий в цинской администрации единую согласованную линию политики проводит русская администрация в крае. В материалах газеты нет никаких сообщений о конфликтах и противоречиях в среде российских властей. Наоборот, часто можно встретить сообщения о согласованных действиях по отношению к обеспечению безопасности переселенцев, их перевозке и поддержке бедняков. Корреспонденты газеты весьма негативно представляют русских купцов Илийского края. На страницах газеты описан образ хитрого торговца, разбогатевшего быстро и без значительных усилий, готового на обман и махинации в отношении российской казны.

Большую группу сообщений газеты составляют материалы о «технической» стороне переселенческого движения. Корреспонденты газеты детально описывают пути миграции, вопросы перевозки имущества, оформления документов. На страницах газеты неоднократно встречаются сообщения о помощи местных купцов бедным переселенцам, много внимания уделяется личности Вали-ахуна Юлдашева.

Подавляющее число переселенцев относилось к земледельческому населению края. В связи с этим со стороны русской администрации остро стоял вопрос о пребывании переселенцев до осени на старых местах (чтобы успели убрать хлеб и переселиться с ним), о сохранении запасов хлеба. Интерес

китайской стороны состоял в сохранении хлебных запасов на территории края. Сообщения газеты содержат примеры вербовки населения со стороны цинской администрации. Важно отметить, что корреспонденты газеты не упустили из виду и другую сторону переселенческого движения – из Российской империи в Илийский край. Среди материалов о переселенцах имеется несколько сообщений о переселении калмыков-улютов в пределы Цинской империи. Однако большого внимания этим событиям автор заметок не придает, не связывает их с политикой российских властей.

Анализ материалов газеты «Восточное обозрение» позволил автору обозначить перспективы новых исследований. Так, на страницах газеты неоднократно поднимался вопрос о взаимодействии цинского цзянцзюня с амбаном. Отношения представителей двух уровней власти между собой на окраинных территориях, несомненно, оказывали влияние как на ситуацию в регионе, так и на положение русских и отношение к ним. Кроме того, взаимодействие русской администрации с разными уровнями власти в регионе (цзянцзюнь, амбань, тунчжи), влияние этих отношений на обстановку в регионе также требуют тщательного изучения.

Список литературы

- Вести о Востоке. Извлечение из протокола по разграничению Китайской границы Илийского округа. (1882). *Восточное обозрение*, 39–40, 5–6.
- Вести с Востока. (1882). *Восточное обозрение*, 12, 3–6.
- Вести с Востока. Заимствуем из «Сибирской газеты». (1883). *Восточное обозрение*, 11, 3–4.
- Вести с Востока. Пограничные дела наши с китайцами. (1883). *Восточное обозрение*, 14, 3.
- Вести с Востока. С китайской границы. (1883). *Восточное обозрение*, 16, 3–4.
- Казак Омелька. (1883). Кульджинские дельцы (очерк нравов). *Восточное обозрение*, 17, 11–13.
- Корреспонденции. Кульджа, 18-го апреля (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882). *Восточное обозрение*, 11, 6–7.
- Корреспонденции. Борохудзир близ китайской границы (корреспонденция «Восточного Обозрения»). (1882). *Восточное обозрение*, 20, 6–7.
- Корреспонденции. Верный, 21 октября (корреспонден. «Вост.Обозр.»). (1882). *Восточное обозрение*, 38, 7.
- Корреспонденции. Верный (корресп. «Вост. Обозр.»). (1883). *Восточное обозрение*, 9, 7–8.
- Корреспонденции. Из Кульджи (Корр. «В.О.»). (1882). *Восточное обозрение*, 5, 10.
- Корреспонденции. Из Кульджи (Корр. «В.Об.»). (1882). *Восточное обозрение*, 10, 7.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корр. «Восточного Обозрения»). (1882). *Восточное обозрение*, 16, 10–11.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост. Обозр.»). (1883а). *Восточное обозрение*, 19, 7–8.

- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост. Обзор.»). (1883b). *Восточное обозрение*, 17, 5.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост. Обзор.»). (1883c). *Восточное обозрение*, 11, 6.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост. Обзор.»). (1883d). *Восточное обозрение*, 10, 6–7.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882a). *Восточное обозрение*, 6, 12–13.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882b). *Восточное обозрение*, 34, 5–6.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882c). *Восточное обозрение*, 29, 7.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882d). *Восточное обозрение*, 22, 8–9.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882e). *Восточное обозрение*, 9, 9–10.
- Корреспонденции. Из Кульджи (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882f). *Восточное обозрение*, 8, 8.
- Корреспонденции. Из Кульджи (Корресп. «Восточного Обозрения»). (1882). *Восточное обозрение*, 12, 9–10.
- Корреспонденции. Кульджа (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882). *Восточное обозрение*, 19, 10–11.
- Корреспонденции. Кульджа (корресп. «Вост.Обозр.»). (1882). *Восточное обозрение*, 15, 7.
- Корреспонденции. С западно-китайской границы (корр. «Вост. Обзор.»). (1883). *Восточное обозрение*, 3, 4.
- Корреспонденции. С Китайской границы (корресп. «Вост. Обзор.»). (1883a). *Восточное обозрение*, 21, 7.
- Корреспонденции. С Китайской границы (корресп. «Вост. Обзор.»). (1883b). *Восточное обозрение*, 13, 5–6.
- Корреспонденции. С Китайской границы (корреспонден. «Вост. Обзор.»). (1883). *Восточное обозрение*, 1, 7.
- Н. П. (1882). С передачей Илийского края китайцам. *Восточное обозрение*, 39–40, 6–7.
- Сумароков, А. (1882). Суйдун. *Восточное обозрение*, 34, 11–12.
- Юсуров, Х. (1951). *Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана*. Киргизское государственное издательство.

References

- Correspondence. Kulja, April 18 (corresp. “Or. Rev.”). (1882). *Oriental Review*, 11, 6-7. (In Russian).
- Correspondence. Borohujir near the Chinese frontier (correspondence of “Oriental Review”). (1882). *Oriental Review*, 20, 6-7. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1882a). *Oriental Review*, 6, 12-13. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1882c). *Oriental Review*, 29, 7. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1882d). *Oriental Review*, 22, 8-9. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1882e). *Oriental Review*, 9, 9-10. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1882f). *Oriental Review*, 8, 8. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. “Or. Rev.”). (1883b). *Oriental Review*, 17, 5. (In Russian).

- Correspondence. From Kuldja (corresp. "Or. Rev."). (1883c). *Oriental Review*, 11, 6. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. "Or. Rev."). (1883d). *Oriental Review*, 10, 6-7. (In Russian).
- Correspondence. From Kuldja (corresp. "Oriental Review"). (1882). *Oriental Review*, 12, 9-10. (In Russian).
- Correspondence. From Kulja (corresp. "Or. Rev."). (1882b). *Oriental Review*, 34, 5-6. (In Russian).
- Correspondence. From the Chinese Border (Correspondence. "Or. Rev."). (1883). *Oriental Review*, 1, 7. (In Russian).
- Correspondence. From the Chinese Border (Correspondence. "Or. Rev."). (1883a). *Oriental Review*, 21, 7. (In Russian).
- Correspondence. From the Chinese Border (Correspondence. "Or. Rev."). (1883b). *Oriental Review*, 13, 5-6. (In Russian).
- Correspondence. From the West China border (Corr. "Or. Rev."). (1883). *Oriental Review*, 3, 4. (In Russian).
- Correspondence. Kulja (corresp. "Oriental Review"). (1882). *Oriental Review*, 15, 7. (In Russian).
- Correspondence. Verny (corresp. "Or. Rev."). (1883). *Oriental Review*, 9, 7-8. (In Russian).
- Correspondence. Verny, October 21 (correspondence of "Oriental Review"). (1882). *Oriental Review*, 38, 7. (In Russian).
- Correspondences. From Kuldja (Corr. "Or. Rev.") (1882). *Oriental Review*, 10, 7. (In Russian).
- Correspondences. From Kulja (Corr. "Or. Rev."). (1882). *Oriental Review*, 16, 10-11. (In Russian).
- Correspondences. From Kulja (Corr. "Or. Rev."). (1882). *Oriental Review*, 5, 10. (In Russian).
- Correspondences. From Kulja (corresp. of "Oriental Review"). (1883a). *Oriental Review*, 19, 7-8. (In Russian).
- Correspondences. Kulja (Correspondence of "Oriental Review"). (1882). *Oriental Review*, 19, 10-11. (In Russian).
- Cossack Omelka. (1883). Kuldzha deltsy (sketch of manners). *Oriental Review*, 17, 11-13. (In Russian).
- N. P. (1882). With the transfer of the Ili region to the Chinese. *Oriental Review*, 39-40, 6-7.
- News from the East. (1882). *Oriental Review*, 12, 3-6. (In Russian).
- News from the East. Borrowed from "Sibirskaya gazeta". (1883). *Oriental Review*, 11, 3-4. (In Russian).
- News from the East. From the Chinese frontier. (1883). *Oriental Review*, 16, 3-4. (In Russian).
- News from the East. Our frontier affairs with the Chinese. (1883). *Oriental Review*, 14, 3. (In Russian).
- News of the East. Extract from the Minutes on the Delineation of the Chinese Boundary of the Ili District. (1882). *Oriental Review*, 39-40, 5-6. (In Russian).
- Sumarokov, A. (1882). Suidun. *Oriental Review*, 34, 11-12. (In Russian).
- Yusurov, H. (1951). *Resettlement of the Dungan to the territory of Kyrgyzstan and Kazakhstan*. Kyrgyz State Publishing House. (In Russian).